

СРЕДСТВА ИЗМЕНЯЮТ ЦЕЛЬ

Когда я пишу, что опричнина укрепила централизацию, то отчетливо слышу протестующие голоса многих читателей.

"Опричнина помогла централизации? - говорят одни. - Да как же вы можете оправдывать одного из самых кровавых преступников и палачей в отечественной истории?"

"Вы сами признали, что опричнина способствовала прогрессу, - негодуют другие. - Значит, несмотря на некоторые издержки, царь Иван был прав. Вы же просто переносите в средние века современные нормы морали".

Эти возражения я не изобрел. Первое я слышал от одного из коллег: он полагал, что раз я признаю антиудельную направленность опричнины, то тем самым считаю ее явлением положительным. Второе возражение я получил от студента. Он спросил: "А разве можно было добиться централизации страны, применяя другие методы?"

Оба эти возражения, несмотря на кажущуюся противоположность, исходят из одной и той же презумпции: *цель оправдывает средства*. Автор первого возражения присоединился бы к оправданию Ивана Грозного, если бы пришел к выводу, что при нем централизация все же укрепилась. Но

откуда известно, что те средства, которые были употреблены при Иване Грозном, были единственно возможными?

Было бы опасным заблуждением видеть ход истории закономерным не только в главном, в самом существенном, но и в деталях (впрочем, эти "детали" могут оказаться определяющими для жизни конкретного человека или даже целого поколения), считать, что происходило лишь то, что должно было произойти, и даже так, как должно. Провидение, которое средневековый летописец считал вершителем судеб мира, тем самым незаметно возрождается в пристойном обличий научно познанных законов исторического развития.

Да, исторического деятеля или историческое явление нужно судить по результатам. Но только ли по ним? Ведь конечный результат обычно как бы запрограммирован всем ходом развития страны, народа, теми самими законами истории. Например, думается, даже самые горячие поклонники Петра I не рискнули бы предположить, что неудачные роды у его матери - царицы Натальи Кирилловны уничтожили бы самую возможность серьезных реформ, модернизировавших Россию.

Тенденции централизации, ликвидации удельного сепаратизма были объективными; к крепкому единому государству, как к Риму, вели все пути. Следовательно, долг историка поразмыслить, наиболее ли удачный путь к цели был избран, с наименьшими или с наибольшими затратами был пройден. Помню замечательного учителя математики, у которого я учился в 10-м классе, Юрия Константиновича Баратова. Он часто повторял: нет двух путей решения одной задачи, есть один - самый красивый. Так и в истории: верен лишь тот путь, который приведет к цели с наименьшими издержками, унеся минимум человеческих жизней.

Но не бесплодны ли все эти разговоры и рассуждения, существовала ли в реальной жизни альтернатива тому пути, по которому пошел царь Иван, вводя опричнину? Да, существовала. Это показала деятельность Избранной рады, при правлении которой, как было показано выше, были начаты глубокие структурные реформы, направленные на достижение централизации. Этот путь не только был не таким мучительным и кровавым, как опричный, он и обещал результаты более прочные, и исключал становление снабженной государственным аппаратом деспотической монархии. Но этот путь не обещал результатов немедленных; повторю сказанное выше: структурные реформы дают плоды не сразу, а потому нередко обманывают нетерпеливые ожидания. Возникает соблазн утопического, волюнтаристского, командно-репрессивного пути развития. Ведь эти три эпитета жестко связаны: любая утопия - волюнтаристична, а потому для своего осуществления требует строгих приказов, подкрепленных репрессиями.

Путь Избранной рады был основан на реальных тенденциях развития страны, быть может, не столь познанных (ведь в ту эпоху господствовал еще донаучный уровень мышления), сколь, по крайней мере, уловленных чутьем умных и реальных политиков. Путь же опричнины основывался на произвольном хотении.

Таким образом, в середине XVI века опричная дорога развития была не единственно возможной. Идея альтернативности исторического развития, возможности разных вариантов хода истории в сегодняшней исторической науке медленно, но верно пробивает себе дорогу. Но она не стала еще привычной: слишком долго над нами нависала догматическая вульгаризация марксизма, воплощенная в "Кратком курсе истории ВКП(б)". Мучительно труден процесс высвобождения мысли, и даже те, кто искренне и радостно стремятся к раскованному, свободному мышлению, все же невольно испытывают, подчас незаметно для себя, давление обветшавших догм.

Разумеется, автор этих строк - не исключение. Как часто ловишь себя на привычном желании доказать свою мысль не столько фактами, сколько ссылкой на непререкаемые авторитеты! Потому-то, быть может, до сих пор многие серьезные историки уверены, что в XVI веке произошло лишь то, что неминуемо должно было произойти. Попытаемся же выяснить, каковы были шансы на успех у двух альтернатив развития страны.

Казалось бы, альтернатива опричнины во многом опиралась на прочные традиции. Когда Курбский писал, что московские князья *"обыкли... крове братии своей нити"*, он, вероятно, напрасно считал такой *"обычай"*, присущим лишь московскому княжескому роду, но был прав в том, что процесс объединения Руси сопровождался применением насилия в самых разных, порой отталкивающих формах. Внешняя опасность, необходимость свержения ордынского ига заставляла ускорять преодоление феодальной раздробленности, опираться чаще на военную силу и военные методы управления. Поэтому с самого начала во власти государей всея Руси легко обнаружить деспотические черты. Казненный при Василии III за *"непригожие речи"* Берсень Беклемишев (см. о нем выше) считал, что только при этом государе нарушились отношения между великим князем и его подданными, только Василий Иванович стал решать государственные дела *"сам третей у постели"* и пресекать всякие споры. Его же отец, Иван III, по мнению Беклемишева, *"против себя стречу любил"*.

Да, власть Василия III действительно приобрела невиданный до того характер. Побывавший дважды в России во времена Василия III посол германского императора барон Сигизмунд фон Герберштейн, хорошо знавший русский язык, оставил подробное и объективное описание страны. Он писал, что Василий III *"всех одинаково гнетет... жестоким рабством"*.

"Властью, которую он имеет над своими подданными, - пишет Герберштейн, - он далеко превосходит всех монархов целого мира". В другом месте он отмечает, что из советников, которых он имеет, *"ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть боля божья, и что бы ни сделал государь, он делает это по воле божьей"*. Да и сама казнь Берсеня Беклемишева - мрачное подтверждение справедливости его слов. Но все же, думается, погибший из-за неосторожной искренности придворный несколько идеализировал времена Ивана III. Что же, людям свойственно искать "золотой век" в прошлом, тем более что в правление Ивана III отец Берсеня - Никита был одним из самых близких к государю людей, да и сам Берсень успешно начинал карьеру. Действительность же при Иване III была весьма суровой.

Обращу внимание лишь на один эпизод. В последние годы жизни Ивана III в великокняжеской семье сложилась запутанная ситуация. Государь колебался, кого из своих потомков назначить наследником: внука Дмитрия (отцом его был умерший молодым старший сын Ивана III - Иван Иванович) или сына Василия. Первоначальный выбор был сделан в пользу внука, дед даже торжественно венчал его при жизни на великокняжеский престол, но через некоторое время перерешил. Дмитрий попал в заточение, а наследником был назначен Василий, будущий государь всея Руси. Соответственно и придворные раскололись на сторонников Дмитрия и Василия. Перемены курса сопровождались опалами, а то и казнями тех, кто проиграл. Спустя несколько лет после казни одного из таких неудачников - князя Семена Ряполовского Иван III напоминал в виде предостережения о его судьбе двум своим служилым людям и советовал им не *"высокоумничать"*, как Ряполовский. Знаменательный совет! Неприязнь к *"шибко умным"* извечна для всех тиранов - в масштабах государства или миниатюрной конторы. Это своего рода тест на авторитарность мышления.

Не менее любопытна аргументация Ивана III, которой он обосновывал опалу на внука. *"Чи не волен яз, князь велики, в своих детех и в своем княжении?"* - восклицал он. А его дипломатам рекомендовалось разъяснять своим зарубежным коллегам, что внук *"учял"* государю *"грубити"*, а *"всякой жалует дитя, которое родителем норовит да служит, а которой не норовит, да еще грубит, ино того за что жаловати?"*.

Так решение важного государственного вопроса о престолонаследии сводилось (по крайней мере, в идеологическом его обосновании) к личной воле государя и проблеме почтительности внука к дедушке.

Итак, традиции деспотизма существовали. Это и неудивительно. Не может реально существовать и тем более победить альтернатива, не имеющая корней в историческом пути страны. Но только ли эта традиция

существовала? Можно ли к отдельным проявлениям деспотизма свести деятельность не только Ивана III, но и Василия III? Я не говорю уже о том, что по масштабам расправ Иван IV оставил далеко позади своих деда и отца, он оторвался от них настолько, насколько олимпийский чемпион по бегу опередит нетренированного участника районной эстафеты. Существеннее другое: используя для объединения страны и ее движения к централизации в полной мере насильственные методы, правители второй половины XV - первой трети XVI века прибегали не только к ним. Они щедрыми посулами и действительными привилегиями успешно привлекали на свою сторону и бывших независимых князей, и их вассалов, умело использовали реальную заинтересованность всего господствующего класса феодалов в централизации. Именно на эту традицию опиралась в своей реформаторской деятельности Избранная рада. Потому и не беспочвенна ее деятельность. Так что и впрямь существовала реальная возможность торжества этого, менее болезненного пути развития.